

На правах рукописи

ИСАКОВСКАЯ Алла Юрьевна

**ДЕТСКАЯ СКАЗКА В РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(РЕЦЕПЦИЯ МИРОВЫХ СЮЖЕТОВ)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва 2012

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,
доцент

Октябрьская Ольга Святославовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор **Выгон Наталия Семёновна**
Московский педагогический
государственный университет,
профессор кафедры русской
литературы и журналистики XX–XXI
вв.

кандидат филологических наук,
доцент

Мещерякова Лариса Яковлевна

Тверской государственный
университет, доцент кафедры теологии

Ведущая организация:

Литературный институт им. А.М.
Горького

Защита состоится «20» декабря 2012 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.32 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Автореферат разослан « » 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

доктор филологических наук, профессор **Голубков Михаил Михайлович**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Детская литературная сказка, в основе которой лежит адаптированный зарубежный сюжет, как новая типологическая разновидность появляется в советской литературе в 1930–1960-е годы. Ключевой особенностью детской литературы данного периода становится попытка советских писателей слить воедино русские и зарубежные традиции. Подобную особенность определяет самобытный для советской действительности процесс усиленной адаптации текстов переводной литературы для советского детского читателя.

Заложенная советскими писателями тенденция продолжает существовать и в современной российской детской литературе («Карлсон с крыши, или Лучший в мире Карлсон» в обработке Эдуарда Успенского и «Таня Гроттер и магический контрабас» Дмитрия Емца). Отправной точкой данного исследования становится сказка-повесть «Винни-Пух и все-все-все» в творческой обработке Б.В. Заходера в связи с непрекращающейся полемикой на международном уровне относительно авторских прав Б.В. Заходера на пересказ.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, интенсивным развитием межкультурной коммуникации и международных литературных связей, потребностью в уточнении позиции детского писателя при творческой интерпретации (как всего текста переводной сказки, так и отдельных лейтмотивов, авторского послания, сюжетных зарисовок и образов главных персонажей). Во-вторых, важным является определение роли и влияния детского читателя на сам процесс адаптации. В-третьих, значительным оказался вклад русифицированных обработок мировых сюжетов классической детской литературы в формирование нескольких поколений советских и российских читателей.

Объектом исследования являются способы интерпретации русскими советскими писателями мировых сюжетов и механизмы их адаптации для русского детского читателя.

Предметом изучения стали тексты: «Золотой ключик, или Приключения Буратино» Алексея Толстого, «Волшебник Изумрудного города» Александра Волкова, «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина, «Винни-Пух и все-все-все» и «Алиса в стране чудес» в пересказе Бориса Заходера, «Карлсон с крыши, или Лучший в мире Карлсон» в обработке Эдуарда Успенского и «Таня Гроттер и магический контрабас» Дмитрия Емца. Тексты анализируются с точки зрения реализации авторской субъективности советских и российских писателей-интерпретаторов и статуса автономности данных произведений.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном изучении процессов адаптации и рецепции русским детским читателем сюжетов мировой детской литературы. Это дает возможность доказать, что в результате творческой адаптации текста зарубежной детской литературы неминуемо происходит частичная или полная его русификация, которая отражает авторскую субъективность писателя, индивидуально-личностные особенности, составляющие его концептуальную картину мира. В результате этого процесса происходит замена концептосферы текста-оригинала на национально-исторический колорит языка-реципиента, что может свидетельствовать о явном присутствии авторского начала интерпретатора в тексте переложения и позволяет говорить о присвоении писателю статуса соавтора.

Основные задачи исследования:

1. Изучить подходы к переложению текстов литературы для детей и соотнести их с проблемой перевода текстов художественной литературы.
2. Соотнести тексты переложений с текстом оригинала, а также нескольких переводов одного оригинала с целью выделения, описания и обоснования творческой креативности советских и российских детских писателей.

3. Выделить этапы адаптации текста и установить роль детского читателя в этом процессе, обосновать оригинальность авторских позиций А. Толстого, А. Волкова, Б. Заходера, Л. Лагина, Э. Успенского, Д. Емца.
4. Описать «зоны повышенной креативности»¹ писателей-переводчиков при адаптации текстов-переложений произведений детской литературы.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней описываются этапы адаптации текстов зарубежной детской литературы и выдвигается идея применения термина *соавтор* к пересказам Б.В. Заходера, при этом предлагается выработанная в диссертационном исследовании система категорий-маркеров, указывающих на отклонение текста переложения от текста подлинника. В качестве мотивации творческой адаптации текстов переводов используется специфика рецепции зарубежных сказок детским адресатом, формирование его коммуникативной компетенции, языковой картины мира.

Теоретико-методологической основой исследования является соединение историко-литературного и теоретико-литературных подходов с сопоставительным анализом. В связи с этим теоретическую базу составляют труды по теории литературы, истории русской литературы XX века, истории детской литературы и работы, отражающие литературоведческий подход к теории художественного перевода: С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, М.Ю. Лотмана, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, В.В. Проппа, М.Л. Гаспарова, В.Е. Хализева, Л.В. Чернец, Ю.Д. Левина, Е.Г. Эткинда, П.М. Топера, А.В. Федорова, Н.К. Гарбовского, И.Н. Арзамасцевой А.Я. Эсалнек и др. Автор опирался также на исследования концептуально-культурологического направления, которое получило широкое распространение в теории словесности во второй половине XX века: труды

¹ Термин О.Н. Шевченко. См.: *Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика* (на материале дискурса Б.В. Заходера): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. С. 146.

Ю.С. Степановой, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вержбицкой, С.Г. Тер-Минасовой и др.

Текстологической базой исследования стали оригинальные произведения на английском языке: “Alice in Wonderland” (L. Carroll), “Winnie-The-Pooh” и “The House at Pooh Conner” (A.A. Milne), “The Wizard of Oz” (F. Baum), а также переводы и пересказы указанных произведений на русский язык, выполненные Б.В. Заходером, переводы, осуществленные другими авторами (В.В. Набоковым, Н.М. Демуровой, Т.А. Михайловой, В.П. Рудневым, В.А. Вебером, Н.В. Рейн). В работе анализируются тексты на русском языке: «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова, «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Толстого, «Повести о Малыше и Карлсоне» в переводах Л. Лунгиной, Н. Беляниной, Л. Брауде и Е. Палкиной, Э. Успенского, «Пеппи Длинныйчулок» в переводах Л. Лунгиной и Л. Брауде, «Старик Хоттабыч» Л. Лагина, «Таня Гроттер и магический контрабас» Д. Емца.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Детский писатель, обращаясь к зарубежным сюжетам, приобретает дополнительную роль интерпретатора. Текст перевода-переложения находится на стыке двух или более культур и осуществляет роль медиатора между ними. Авторское начало советских писателей является организующей силой художественной целостности текстов переложений.
2. Детская литература всегда ориентирована на своего адресата, поэтому при адаптации мировых сюжетов, образов и идей необходимо жертвовать точностью при переводе оригинала, нивелировать национально-культурную и социально-политическую маркированность текста.
3. Адаптация заимствованных сюжетов проходит в четыре этапа: адаптация авторского послания, соотнесение уже модифицированного послания с сюжетно-фабульной структурой текста-оригинала, переработка портретных и речевых характеристик персонажей сказки, обработка и частичная замена концептосферы текста подлинника на концептосферу перевода-переложения:

адаптация коннотативно маркированных реалий, национального и культурно-исторического колорита эпохи.

4. Советскими писателями и их последователями реализуются следующие мотивации при адаптации текстов зарубежной детской литературы: адаптация к идеологии отечественной детской литературы и ориентация на психологические особенности и уровень знаний детской аудитории.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов и статей на Международной конференции в Польше, г. Лодзь «Диалог идей и эстетических концепций» (сентябрь 2010); XIII международной научной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» в республике Беларусь, г. Гродно (сентябрь 2010); Международной конференции, посвященной проблемам детской литературы, г. Тверь (май 2010, 2011); на XV Международном симпозиуме славистов «Языки и литературы восточных славян в аспекте исторического развития» в Польше, г. Зелена Гура (май 2011); Международной конференции «Revolt, Rebellion, Protest: Change and Insurrection in Children's Literature» в США, штат Вирджиния, г. Роуноук (июнь 2011).

Структура и объем диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и библиографии. Общий объем работы составляет 246 страниц.

Теоретическая значимость исследования состоит в дальнейшей разработке теории детской литературы, анализе воздействия мировых сюжетов на адресата, выявлении адекватного формирования и изменения взглядов и представлений ребенка об иноязычной культуре посредством успешной адаптации советскими писателями мировых сюжетов: расширение границ его познавательной деятельности, вовлечение детского читателя в процесс

межкультурной коммуникации, воспитание в нем толерантности по отношению к другим культурам.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в учебных курсах по истории российской детской литературы, а также в решении спорных вопросов авторства при адаптации как отдельных мировых образов и сюжетов, так и общих идей отечественными детскими писателями.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность и научная новизна темы, методологическая основа диссертационного исследования, определены цели и задачи, объект и предмет изучения, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблема адаптации мировых сюжетов в русской детской литературе советского периода как часть процесса перевода. Процесс и методы адаптации: рецепция мировых сюжетов и идей» посвящена постановке проблемы адаптации и сопряженной с ней проблеме перевода как части многоступенчатого процесса трансформации произведений детской литературы. Особое внимание уделяется анализу особенностей рецепции западных образов и сюжетов советскими писателями. Процесс рецепции заключается в усиленной адаптации советскими писателями-интерпретаторами как отдельно взятых идей и образов мировых детских сказок, так и сюжетных зарисовок.

Первый параграф главы **«Проблемы художественного перевода. Подходы и основные имена. Специфика детской переводной литературы советского периода»** представляет собой обзор процесса зарождения и становления переводческой деятельности в России в XX веке, подходов к отечественному переводоведению и возникающей в этой связи проблемы

перевода именно детских сказок-повестей, особенностей обработки текста для советского маленького читателя.

В работе обозначена специфика процесса и методов адаптации детскими писателями мировых сюжетов в советскую эпоху с ориентацией на своеобразие адресата. Эта проблема возникает в связи с необходимостью выявить своеобразие такой типологической разновидности литературной сказки, как перевод-переложение, сформировавшейся как самостоятельный жанр в русской литературе советского периода. Это, в свою очередь, требует постановки вопроса об авторстве русского инварианта. Адаптация может принимать разные формы – от «упрощения» самого текста оригинала зарубежной сказки до заимствования идеи и сюжетной канвы художественного произведения с последующим глубинным раскрытием отдельно взятых элементов. В любом случае, детское художественное произведение зарубежной литературы претерпевает значительные изменения на пути к российскому читателю-ребенку.

Особую роль в диссертационном исследовании играет рассмотрение проблемы перевода с позиции *литературоведения*, где личность писателя-интерпретатора выдвигается на первый план. Исследование данной проблемы опирается на труды Ю.Д. Левина², Е.Г. Эткинда³, П.М. Топера⁴, А.В. Федорова⁵, Н.К. Гарбовского⁶. При литературоведческом подходе к анализу произведений детской переводной литературы возникает вопрос о статусе переводного произведения. Появляется необходимость понять, является ли оно фактом российской национальной литературы и можно ли возвести *писателя-интерпретатора* в ранг *соавтора*. Особое место в диссертационном исследовании уделяется проблеме *понимания* в переводческой деятельности,

² См.: Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985.

³ См.: Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредьяковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973.

⁴ См.: Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2001.

⁵ См.: Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л.: Советский писатель, 1983.

⁶ См.: Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004.

над которой с середины 1970-х годов работают В.С. Виноградов, А.Н. Крюков, Ю.А. Сорокин, Н.Л. Галеева, М.П. Брандес. В этот период сформировалось новое направление в переводоведении, которое можно назвать «интерпретативным», или «психогерменевтическим».

При адаптации произведений детской литературы нельзя не учитывать психологической составляющей этого процесса: ведь текст есть «реализация в словесном творчестве авторского подсознания. ...Автор не столько выбирает стиль, сколько стремится проявить себя и свое видение мира в стиле, который он создает»⁷. Поэтому в диссертационном сочинении отводится особая роль и психологическому подходу к теории переводоведения, зародившемуся в 60-е годы XX века.

В диссертации особо подчеркивается оригинальность и своеобразие *переводов-интерпретаций*, перевод понимается как открытие новых возможностей и потенциала произведения, как творческий процесс. Особенно это касается уже ставших популярными за границей произведений детской классической литературы – «Алисы в стране чудес», «Пиноккио», «Винни-Пуха», «Карлсона, который живет на крыше» и др.

Важным для теоретической части данной работы становится и *принцип диалогичности*⁸, который распространяется М. Бахтиным и на взаимоотношения между культурами. **Во втором параграфе** первой главы «**Специфика адаптации и рецепции образов мировой детской литературы в контексте принимающей культуры**» рассмотрены такие понятия, как контекст, диалог культур, языковая картина мира. Перевод текстов – это в первую очередь перевод культур. В случае детской литературы на перевод накладывается двойная нагрузка – это не просто перевод культуры, это еще и ее *разъяснение*. К примеру, писатели-интерпретаторы и переводчики текста Л.

⁷ *Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. С. 45.

⁸ См.: *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Кэрролла «Алиса в стране чудес», каждый по-своему, пытаются объяснить детскому читателю, почему *Чеширский Кот* постоянно улыбается: Б. Заходер в авторских отступлениях-комментариях приводит старую английскую поговорку, Н. Демурова дает пояснение в сноске, В. Набоков заменяет *Чеширского Кота* на *Масленичного*: все коту масленица, вот он и улыбается.

В диссертации уделяется особое внимание одной из первостепенных задач переводчиков-интерпретаторов – сохранить замысел автора оригинала посредством адаптации механизмов трансформации языковой игры, каламбуров и авторских неологизмов. О так называемом переводе непереводаемого писал Борис Заходер в своих записках переводчика: «переводить непереводаемое можно только воссоздавая заново»⁹. А если автор перевода-интерпретации самую яркую в языковом плане часть текста оригинала создает сам, и *его* индивидуально-стилистические особенности отражаются в тексте перевода, перевод уже становится *переложением* – самостоятельным русским произведением.

Особое место в исследовании отводится анализу языковой картины мира как писателя-интерпретатора, так и автора оригинала, а также рассмотрению специфики мировосприятия ребенка, которые должен принять адаптированный текст.

Автор диссертации подчеркивает роль переводчика-интерпретатора при адаптации несуществующих в языке перевода *реалий* текста оригинала, акцентируя внимание на механизмах, которые используются при их передаче¹⁰. Специфика именно детской литературы заключается в том, что писателю-интерпретатору нельзя рассчитывать на контекстуальное осмысление реалии детским читателем. Особое место в данном случае уделяется переводу

⁹ Заходер. Б. Из истории моих публикаций // Заходер Г. Игра в пустяки // Педология. № 4/13 – <http://genesis.ru/pedologia>

¹⁰ См.: Левый И. Состояние теоретической мысли в области перевода // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1968. С. 406–431.

каламбуров – «тонкому искусству, требующему от переводчика способности решать уникальные по своему остроумию задачи»¹¹.

В современном понимании переводные тексты детской литературы функционируют в рамках теории межкультурной коммуникации: мировые сюжеты в обработке советских и российских писателей способствуют установлению диалога культур, расширяют горизонты познания маленького читателя, формируют в его сознании принципы взаимодействия и взаимосвязи национальных культур и литератур. Овладевая ассоциативно-вербальной сетью исходного языка, переводчик-интерпретатор должен иметь представление о системном характере культуры, национальном культурном мире, базовых концептах ментальности и языка. Основное понятие, на базе которого строится данная система, – концепт. В диссертационном исследовании оно определяется как «совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций»¹². В практической части нашей работы в системе предложенных *категорий-маркеров* одним их ключевых будет концептуальная картина мира текста переложения и ее отличие от концептосферы текста оригинала. Например, в сказке А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» баумановский концепт *индивидуализма* заменяется концептом *сообщности, взаимовыручки и взаимопомощи* – ключевыми понятиями советской идеологии.

Особое место отводится специфике формирования и становления языковой компетенции маленького читателя, при этом на писателя-переводчика накладывается двойная ответственность: при передаче каламбуров, фразеологизмов, авторских неологизмов необходимо взглянуть на процесс их восприятия ребенком и после этого соответствующим образом их адаптировать в тексте русского варианта сказки.

¹¹ Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: «Р. Валент», 2009. С. 311.

¹² Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1999. С. 4.

Третий параграф первой главы «Творческая интерпретация как оригинальное произведение детской литературы. Понятие адаптации» посвящен исследованию такого жанра в советской и российской детской литературе, как творческая интерпретация. В рамках данного параграфа выявляются специфические особенности понятий *интерпретация* и *адаптация*.

Под *интерпретацией* в диссертационном исследовании подразумеваются прежде всего процессы освоения русскими советскими писателями текста зарубежных детских произведений, их значительной переработки и переосмысления сюжетов, мотивов, образов и последующее их воплощение в самостоятельном произведении русской детской литературы, адресованном заранее заданному образу читателя-ребенка.

Для диссертационного исследования является важным вопрос о зависимости разных вариантов прочтения и интерпретации художественного произведения от исторического периода, от времени прочтения. Ведь детский читатель воспринимает классическое произведение детской литературы в современной обстановке по-новому. В данном случае теоретики говорят об «изменении горизонта ожидания», о существовании «эстетической дистанции» между современным читателем и текстом, и в связи с этими процессами возникает вопрос об эволюции художественного произведения в истории.

Образ реального детского читателя складывается из следующих составляющих: социального, культурного и исторического контекстов. Следует отметить, что с каждым последующим поколением понимание текста изменяется, а реконструкция образа реального читателя носит весьма условный характер, предполагает исследование и анализ документов данной эпохи.

Термин *адаптация* используется в данном исследовании для обозначения такого вида преобразования, в результате которого происходит не просто изменение в описании ситуации, но и ее эквивалентная замена: «Адаптация является последним шагом, пройдя который, переводчик покидает область перевода и оказывается в области иных, похожих на перевод, но менее строгих

форм межъязыкового и межкультурного посредничества – рефератов, переделок, подражаний»¹³. Ключевое для исследования свойство *адаптации* – попытка облегчить детскому адресату понимание смыслов оригинального произведения, выстроить должным образом межкультурную коммуникацию, нивелировать межкультурные различия.

При адаптации текстов зарубежной детской литературы писатели ориентируются на коммуникативную компетенцию ребенка, а также участвуют в процессе формирования и становления языковой картины мира маленького читателя. Индивидуально-авторское начало (в данном случае – автора переложения), его языковая картина мира находят непосредственное отражение в характере передаваемого сообщения и в характере повествования, являются организующей силой художественной целостности.

Проблеме читателя в свете рецептивной эстетики и применению понятия *горизонт читательских ожиданий* непосредственно к детскому читателю посвящен **четвертый параграф** первой главы «**Особенности рецепции мировых сюжетов русским детским читателем. Проблема авторства адаптированных зарубежных сказок. Этапы адаптации**». В этом параграфе также выделяются этапы адаптации художественного текста детской литературы, которые, в свою очередь, определяются особенностями рецепции мировых сюжетов советскими детскими писателями.

Основной мыслью данного параграфа является идея о том, что читатель как адресат всегда является участником творчества писателя, *сотворцом* художественного произведения. В диалогической концепции искусства, предложенной М.М. Бахтиным, говорится о необходимости «включить слушателя в структуру произведения»¹⁴. В 1970-е годы к проблеме читателя

¹³ Гарбовский Н.К. Указ. соч. С. 403.

¹⁴ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 383.

обращаются представители школы рецептивной эстетики (Х.Р. Яусс¹⁵, В. Изер¹⁶): разработанная ими теория восприятия ставит в центр не автора, а его адресата – имплицитного, или внутреннего, читателя.

Для данного диссертационного исследования важен именно подход рецептивной эстетики к искусству со стороны художественного восприятия, которое понимается как своеобразный «диалог» между текстом и читателем. Художественное произведение организуется по принципу единства многообразия, понимается как цельное эстетическое выражение, наделенное образным содержанием, способным пробуждать к жизни множество смыслов и ассоциаций. Первостепенной задачей читателя становится раскрытие имплицитных и актуальных смыслов, заключенных в тексте художественной литературы.

Язык и форма произведений детской литературы требуют особого и пристального внимания и активности реципиента, как правило, волшебные сказки предполагают более широкий круг ассоциативных связей. От детского читателя требуется не только понимание языка искусства, но и способность вообразить, дополнять и конкретизировать абстрактные образы, анализировать прочитанное, сопоставлять новоприобретенные знания с уже существующими, размышлять и мыслить.

Проблемы рецепции изучаются и с опорой на идею американской откликовой школы во главе с литературоведом С. Фишем: чтение определяется как выстроенная цепочка суждений, возникающая в читательском сознании, – результат отклика читателя на авторское послание, заложенное в тексте¹⁷.

Особый интерес для диссертанта представляют психологические составляющие читательского опыта. В этой связи следует упомянуть и работу

¹⁵ См.: Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 193–200.

¹⁶ См.: Изер В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание / Публ. подгот. И. Ильин // Академические тетради. М., 1999. Вып. 6. С. 59–96.

¹⁷ См.: Fish S. Literature in the Reader: Affective Stylistics // Reader-Response Criticism: From Formalism to Post-Structuralism. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1980.

В. Изера «Акт чтения: феноменологический подход»¹⁸. Весьма значима роль читателя, который при помощи силы воображения старается заполнить пробелы в художественном тексте: а любое сообщение, высказанное в процессе коммуникативного акта, напрямую зависит от способности адресата воспринимать текст. Таким образом, детский читатель осуществляет интерпретацию текста сквозь призму своего собственного мироощущения. Важно отметить, что с точки зрения рецептивной эстетики исследование горизонта читательских ожиданий зависит от определенных стереотипов эпохи.

В. Изер и Г.Р. Яусс определили, что для анализа литературного процесса важно то, что направляет акт чтения, активизирует творческие способности реципиента. Детский читатель вступает на путь зарождения и формирования читательского опыта: от выстраивания адекватного способа восприятия авторского послания зависит многое – происходит дальнейшее перевоплощение ребенка во взрослого читателя. Проблема понимания и интерпретации ребенком текста зарубежной сказки – одна из ключевых задач на пути решения вопроса о выборе писателем методов адаптации.

Понятие *горизонт ожиданий* в данном исследовании определяется как призма социокультурных кодов, через которые читатель воспринимает текст. Таким образом, главной задачей в процессе адаптации перед писателями-интерпретаторами является определение горизонта читательских ожиданий реципиента-ребенка и адаптирование авторского послания, направленного на определенную целевую аудиторию. Для этого необходимо выявить открытые и скрытые сигналы, заложенные автором в тексте, на которые реагирует ребенок-адресат. Переводы-переложения зарубежных сказок, созданные как в советский период, так и современные их обработки, представляют собой яркие примеры отражения воздействия на текст переложения авторской субъективности советских и российских писателей. Герменевтические усилия, приложенные

¹⁸ См.: Iser W. The Act of Reading: a Theory of Aesthetic Response. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1978.

писателем-переводчиком при работе над текстом, определяют и конечный результат: перевод-переложение становится отражением его собственно авторского понимания текста оригинала, интерпретацией этого текста сквозь призму мировоззренческой позиции переводчика, национально-культурного и социально-политического подтекста, явное или имплицитное присутствие «переводческого я» в художественной структуре текста.

Вторая глава – «Детская сказка 1930–1960-х годов. Рецепция мировых сюжетов в авторских работах советских писателей» – посвящена анализу наиболее ярких произведений советской детской литературы, в основе которых лежат адаптированные советскими авторами мировые сюжеты, образы и идеи. **В первом параграфе второй главы** представлена система *категорий-маркеров*, способствующих более четкому и адекватному осмыслению границ вольности писателя при интерпретации текста зарубежной сказки. Система выработана с опорой на учебное пособие В.А. Кухаренко «Интерпретация текста»¹⁹ и применена к анализируемым ниже текстам детской литературы. При анализе текстов переложений в детской литературе можно использовать данные категории, соответствие которым и влечет постановку вопроса авторства художественного перевода-переложения. В исследовании представлены такие категории, как целостность художественного текста, авторская субъективность, концептуальная картина мира произведения и др.

Во втором параграфе предлагается анализ сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Толстого. Особо отмечается авторская самобытность текста Алексея Толстого, которая проявляется в существенной переработке образов персонажей сказки К. Коллоди, наделение их новыми, отличными от итальянских аналогов, характеристиками. Пласт структурно-фактуральной информации «Буратино» значительно отличается от «Пиноккио»: например, в русском варианте сказки появляется таинственная дверца, которая

¹⁹ См.: Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988.

открывает путь в страну «счастливых стариков и детей». Автор переложения вводит в систему персонажей новых героев (Пьеро), по-иному расставляет акценты в произведении.

При анализе пьесы А. Толстого, написанной по мотивам сказки, можно прийти к выводу, что «Золотой ключик» представляет собой уже полностью обособленное от итальянского оригинала сугубо советское произведение: существенно переработаны образы персонажей, а в репликах героев четко прослеживается социально-политический подтекст.

Анализу переложений В.В. Набоковым²⁰ и Б.В. Заходером сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» посвящен **третий параграф** второй главы. В диссертационном сочинении определяется самобытность именно этих переводов-переложений путем их сопоставительного анализа с классическим переводом Н. Демуровой. Как и центральный текст данного исследования – классическая английская сказка А.А. Милна «Винни-Пух» в творческой переработке Б.В. Заходера, – произведение Л. Кэрролла сталкивается с аналогичными проблемами адаптации для советского и российского детского читателя. Многие реалии и концепты английской ментальности труднопереводимы на русский язык. Основной акцент в данном параграфе ставится именно на анализе текста пересказа, сделанного Заходером. А.Л. Борисенко отмечает, что именно Б.В. Заходеру удалось превратить «Алису в стране чудес» в «русскую детскую книжку», а его перевод наиболее популярный и переиздаваемый наряду с переводом Н. Демуровой²¹. Б.В. Заходер идет по пути упрощения кэрролловской фантасмагории, пытается логически упорядочить английский нонсенс: его цель – сделать текст доступным и понятным советской детской аудитории.

²⁰ Перевод вышел под псевдонимом В. Сирин.

²¹ См.: *Борисенко А.* Преемственность в переводе. Поэзия нонсенса: усвоение литературной формы // Альманах переводчика / Сост. Н.М. Демурова, Л.И. Володарская; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: РГГУ, 2001 (II). С. 69.

Четвертый параграф второй главы представляет собой анализ сказочной повести А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939, 2-я ред. – 1962), которая является творческим переложением сказки Фрэнка Лимана Баума «Мудрец из страны Оз» (1900). Изменения, внесенные А. Волковым в текст, затрагивают композицию, сюжет, описываемые реалии, образы персонажей, их функции и характеристики. При этом в процессе адаптации претерпевают существенные изменения и фабульная структура сказки (автор вводит новые главы: «Элли в плену у Людоеда», «Наводнение»). А. Волков наделяет своих героев такими важными для советского детского читателя качествами, как взаимопомощь и взаимовыручка, а основной движущей силой сюжета являются не отдельно взятые индивиды, а коллективное сознание.

В пятом параграфе второй главы выявляются специфические особенности адаптации не сюжета, а идеи и особенности ее рецепции советским писателем в рамках соцреализма. «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина представляет творческую переработку восточного цикла «Тысяча и одна ночь» и произведения Томаса Энсти Гатри «Медный кувшин». Сюжет произведения Лагина выстроен на столкновении двух принципиально разных нравственных систем: советской идеологии и капиталистической ценностной шкалы. «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина, в котором находит свое отражение общественно-политическая ситуация 1930-х годов, представляет собой интересный пример обработки идеи классической мировой литературы в весьма специфических условиях советской действительности: джинн из сказок, отождествляющий собой основу феодального уклада общества, пытается применить к советскому мировосприятию чуждую систему ценностей. Подобный оксюморон лежит в основе сюжета сказки и является как смыслодержателем, так и структурообразующим.

Шестой параграф второй главы посвящен анализу нового пересказа-переложения Э.Н. Успенского «Карлсон с крыши, или Лучший в мире

Карлсон». Эта версия классического перевода Л. Лунгиной вызвала бурю критических откликов, а претензии Успенского на соавторство – серьезный общественный резонанс. Мотивации Успенского сводятся к необходимости адаптировать уже классический перевод для российского детского читателя, учитывая специфику формирования языковой компетенции в условиях современного мира. Видимо, поэтому попытки писателя имитировать язык современного детского читателя сводятся к обилию сниженно-разговорной, просторечной лексики, частотному употреблению жаргонных слов. Заслуга переводов Л. Лунгиной (хотя они и уступают по точности переводам Л. Брауде и Е. Палкиной) заключается в том, что образы шведских героев (Карлсона, Пеппи) окончательно русифицировались и бытуют в российском сознании как неотъемлемые персонажи российских детских сказок.

Третья глава «Сказка-повесть о Винни-Пухе как феномен детской мировой литературы. Б.В. Заходер как соавтор» посвящена анализу и особенностям рецепции образа Винни-Пуха.

В рамках **первого параграфа третьей главы** выявляются особенности бытования и творческой истории саги о Винни-Пухе, которая с момента своего выхода в свет и по сей день является одним из ключевых текстов детской литературы и на протяжении уже почти целого столетия обрастает дополнительными интерпретациями, насыщается все новыми смыслами в зависимости от времени прочтения и особенностей реципиента. Диссертантом сделана попытка решить проблему авторства пересказов Б.В. Заходера.

Для понимания глубинных расхождений текста переложения Заходера с текстом оригинала в диссертации упоминается аналитический перевод и сенсационное исследование Вадима Руднева, которое было первой серьезной попыткой «развенчания культа заходеровского Винни-Пуха». Вадим Руднев досконально изучает текст повести о Винни-Пухе с позиций и русского классического структурализма М.Ю. Лотмана, и мотивного анализа Б.М. Гаспарова (это мотив ухода из детства, мотив игры, мотив сна), и основных

идей поэтики М.М. Бахтина, находит в тексте черты неомифологизма, а также черты народной волшебной сказки²².

Второй параграф третьей главы представляет собой сопоставительный анализ текстов сказок о Винни-Пухе и о Медвежонке Паддингтоне. Автор диссертации, опираясь на анализ языковой игры, выявляет результаты рецепции детским российским читателем одинаково популярных на Западе образов мишек.

Третий параграф третьей главы представляет собой анализ некоторых существующих интерпретаций текста сказки о Винни-Пухе и попытку их обоснования. Идеи интерпретации детской сказки сквозь призму социальной проблематики, политических тенденций и философских направлений становятся настолько популярными, что теперь исследователи интерпретируют не текст повести А.А. Милна, а насущные проблемы современности и философские течения при помощи этого текста. Ярким примером тому будут работы Бенджамина Хоффа «Дао Пуха»²³ и «Де Пятачка»²⁴. Бенджамин Хофф пытается доступно донести до западно-европейской аудитории одно из древнейших восточных учений – теорию даосизма, которую объясняют читателям герои популярной детской сказки.

В четвертом параграфе третьей главы «**Pooh Studies**²⁵: текст «Винни-Пуха» сквозь призму авторской субъективности А.А. Милна» исследуется степень влияния собственно автора подлинника и его семьи на текст, а также систематизируются подходы к изучению текста сказки о «Винни-Пухе». В диссертации выделяются следующие подходы в западной теоретической дисциплине Pooh Studies: лингвистический, литературоведческий, философский, психологический, социологический, историко-политический,

²² См.: Винни Пух и философия обыденного языка / Пер. с англ. Т.А. Михайловой и В.П. Руднева; Аналитич. ст. и коммент. В.П. Руднева. 4-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Гнозис, 2010.

²³ См.: Хофф Б. Дао Винни-Пуха. – СПб.: Амфора 2004.

²⁴ См.: Хофф Б. Дэ Пятачка. – СПб.: Амфора 2004.

²⁵ Термин MLA обозначает «подходы к изучению сказки-повести о Винни-Пухе».

историко-биографический. **Пятый параграф** третьей главы «**Концептосфера текста А.А. Милна и ее адаптация Б.В. Заходером. Языковая картина мира английского детского читателя**» посвящена анализу английского мира сказки. Текст Милна – это кладезь английского культурного наследия эпохи: перед читателем предстают картины описания быта того времени: походы, сборы в экспедицию, попытки открыть северный полюс, игры, дома на деревьях, празднование дней рождения – райский уголок потерянного детства: “the small adventures are concerned entirely with the things children are most interested in – friends, birthdays, tree-houses and expeditions”²⁶. В языковой картине мира сказки находят отражение и социально-политические тенденции того времени. Безусловно, ни один из этих элементов культуры не присутствует в переводе Бориса Заходера по политическим причинам. Таким образом, еще раз подтверждается идея о самостоятельности бытования пересказа Заходера, посредством нивелирования авторского начала в тексте, писателю удалось создать мир именно русской детской сказки, а сам образ Винни-Пуха становится фактом российской ментальности.

В **шестом параграфе** третьей главы представлен сопоставительный анализ перевода-пересказа Б.В. Заходера, варианта В.В. Вебера и текста оригинала сказки. При сравнении подстрочного перевода Виктора Вебера и «самовольного» пересказа Бориса Заходера нельзя не отметить филологические и культурологические находки-соответствия при переводе последних реалий из английской национальной культуры в русскую. Рассмотренные примеры переводческих трансформаций подтверждают самобытность творческого стиля переводчика Б.В. Заходера и наглядно обосновывают выбор методов адаптации.

Приведенный в диссертационном исследовании анализ подтверждает уже высказанную ранее позицию исследователя О.Н. Шевченко о включении

²⁶ *Thwaite A. A.A. Milne his life. Tempus, 2006. P. 248.*

переводов автора Б.В. Заходера в систему его писательского дискурса, где «зонами особой креативности» становятся: ономастическая зона, игра слов, перевод каламбуров, стихотворная зона и фрагментарные вставки²⁷.

Автор диссертационного сочинения приходит к выводу, что суть процесса адаптации мировых сюжетов в советской детской литературе, в первую очередь, сводится к жертве целостностью и самобытностью оригинала. Во всех вышеизложенных текстах переводов доминируют разного рода отклонения от подлинника, а их структурную целостность организует авторская субъективность переводчика-интерпретатора. Актуальность поднятых вопросов рецепции в нашем диссертационном исследовании в очередной раз доказывается на примере современной истории детской литературы. Дмитрий Емец идет по проторенному пути, проложенному А. Толстым, А. Волковым, Б. Заходером, Л. Лагиным: он частично заимствует идею и некоторые сюжетные зарисовки из первого романа о Гарри Поттере и создает на его базе самобытное произведение, так верно и остро отражающее современную российскую действительность.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования.

Процесс адаптации художественных произведений детской переводной литературы имеет ряд уникальных особенностей в силу специфики национально-культурного и социально-политического контекста, а также адресата – детского читателя. Проведенный сопоставительный анализ переводных произведений советских детских писателей доказывает выдвинутый в самом начале нашего исследования тезис – произведения рассмотренных авторов следует считать самобытными в культурном и литературном смыслах текстами, а слово «переводчик» следует заменить на слово «соавтор».

²⁷ См.: Шевченко О.Н. Указ. соч. С. 194.

По теме диссертационного исследования также были опубликованы следующие статьи (в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК):

1. К проблеме имитации детской речи в художественном тексте (на примере филологической интерпретации Бориса Заходера сказки А.А. Милна «Винни-Пух») // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 2. С. 83–85.
2. Социальная проблематика сквозь призму сказки-повести А.А. Милна «Винни-Пух» // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 4 (18). Октябрь-декабрь. С. 122–125.
3. Pooh studies: подходы к исследованию текста А.А. Милна // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 11. С. 247–256.
4. Творческая история сказки о Винни-Пухе // Детская литература и воспитание: Сб. тр. Междунар. научн.-практ. конф. «Детская литература и воспитание», Тверь, 13–15 мая 2010 г. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 43–49.
5. Винни-Пух и его филологические и философские интерпретации // Русская литература XVIII–XXI вв. В диалоге с литературным и культурным наследием. Лодзь, 2010. С. 339–347.
6. Винни-Пух в поисках Neffalump'a, или К вопросу о ловушках-интерпретациях и о статусе перевода-интерпретации // Чтение: рецепция и интерпретация: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 2 / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.Е. Автухович (отв. ред.) и др. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 280–286.
7. Паддингтон VS Винни-Пух: кто из них популярнее и почему // Детская литература и воспитание: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. С. 89–97.